

К ВОПРОСУ О РАДИКАЛИЗАЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ

Лопушанский И.Н.
Санкт-Петербург, Россия

Особая роль в разрешении социальных кризисов на протяжении двух последних столетий принадлежит интеллигенции.

В общественном сознании советского периода, интеллигенцию традиционно относили к некоему промежуточному слою между пролетариатом и буржуазией. Соответственно рассматривалась и ее роль в идеологической подготовке разнообразных политических явлений. Как правило, она обвинялась в размытости позиции, беспринципности, неустойчивости при переходе от словесных политических баталий к организованным и стихийным формам насилия.

Доставалось не только от революционных марксистов, но и от «своих». Столпы эмигрантской философской мысли (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Ф.А. Степун и др.) [1] приложили немало стараний, чтобы пренебрежительное отношение большевиков к наиболее образованному слою общества дополнить еще и представлениями о вине интеллигенции перед обществом. По их мнению, эта вина состоит в том, что «интеллектуальный слой» (как рассматривается интеллигенция на Западе), идеологически провоцируя другие социальные общности, не находит охранительной по отношению к стабильности общества «золотой середины». Так было в России в начале XX века, те же черты проявились в СССР к его концу.

На наш взгляд, плюрализм взглядов является позитивной характеристикой интеллигенции. В политике отличается как более выраженным идеологическим плюрализмом (от радикализма и либерализма до строгого консерватизма), так и частым (но вовсе не неизбежным, как иногда утверждается публицистами) критическим подходом к власти. Критика власти варьируется от конструктивной до неконструктивной в виде либо прожектов, либо фронды.

Рассмотрим социальный кризис конца 1980-х – начала 1990-х гг. Исходной для интеллигенции, будущих радикальных участников организаций зарождавшегося гражданского общества, стала психология «винтиков» [2], вписанных в иерархию административно-командной управленческой структуры. Эта психология существенно влияла на правосознание и поведение: всевластие партийных и советских структур воплощалось в господстве внеэкономических методов принуждения, стимулирования и поощрения; элементы традиции поклонения перед властью (часто персонифицированной) дополнялись страхом перед потенциальными репрессиями (плохая характеристика, ограничения в продвижении по службе, в поступлении в вуз, во вступлении в жилищный кооператив, «профилактическая» беседа в первом отделе; страхом перед возможностью высылки, психиатрической лечебницы или лагеря для перевоспитания) [3].

Коллективистская компонента системы воспитания и образования подавляла личностную, приводя к трансформации межличностных отношений в рамках общности [4].

Интеллигенция ощущала дополнительное психологическое давление в сравнении с рабочими, колхозниками или военными в условиях борьбы с инакомыслием и инакомыслящими [5].

Вместе с тем, уже само возникновение и существование диссидентских движений означало как наличие иных условий, так и сдвиги в массовом правосознании и психологии, воплотившиеся в деятельности пока еще очень ограниченной части интеллигенции. Изменения в правосознании интеллигенции были связаны также с событиями провала претенциозной Программы КПСС, вселившего растущее недоверие к власти.

Но правосознание интеллигенции 90-х годов еще не было готово к радикальным переменам [6]. Специфика переходного периода состояла в том, что преодоление ценностных ориентаций и стереотипов тоталитарного правосознания происходило в ситуации, когда для одних они были ненавистны, для других – привычны, для третьих – сохраняли даже привлекательность.

Перестройка началась как процесс превентивных реформ «сверху» и способствовала появлению основ гражданского общества. Формы первоначального участия в радикальной политической деятельности отражали различия в отношении к существующим правовым основаниям общественной жизни. Участились случаи групповых и даже массовых голодовок с разнообразными и противоречивыми требованиями, суть которых в той или иной мере касалась необходимости радикальных перемен в правовой сфере. Реже, но применялись акты гражданского неповиновения, политического бойкота, означавшие открытое невыполнение законов страны [7].

Несмотря на негативные латентные последствия, шагом вперед стала гласность. Гласность подталкивала к переоценке пути, который прошла страна, начиная от периода революции и гражданской войны. Появились новые оценки экономической и социальной жизни. Переоценка исторического пути стала одним из оснований для формирования нового правосознания и создания целого ряда радикальных движений переходного периода.

Гласность обеспечивала возможность свободно оценивать то, что происходило на глазах: состояние режима, связей, номенклатурных отношений, административно-командной системы, просчеты, имевшие структурный характер и отдельные случайные негативные проявления.

Возможность подготовки и проведения альтернативных выборов тесно связана с созданием различных движений, к которому причастна интеллигенция. Так, первые объединения избирателей 1989-1990 гг., получившие право выдвижения своих кандидатов в противовес кандидатам «блока коммунистов и беспартийных», появились на базе дискуссионных клубов в поддержку перестройки в крупнейших городах страны. Организации формировались в движения, а затем – в партии. «Циркулярный спиралевидный характер настроений» приводил толпу к кровавым столкновениям в Тбилиси, Вильнюсе, Баку, свержению существо-

вавших органов власти (Чеченская республика осенью 1991 г.). Динамика массовых настроений была связана с быстротой перехода к осозанным радикальным мнениям, практическим оценкам и экстремистским действиям (от до-вербального переживания к вербальному притязанию, затем к принципиальному убеждению в правильности установки и последующему действию) [8].

В Ленинграде первыми по времени появления можно считать правозащитные движения, потом движения в защиту памятников культуры, а в республиках – в защиту национальной культуры (как правило, титульного этноса). Они отражали радикальные настроения в отношении норм и традиций советского времени.

Главным фактором распада Советского Союза был национально-территориальный принцип формирования федерации, который отстоял в 1922 г. В.И. Ленин. Не меньшее значение в процессе разделения республик имел сепаратизм, идеи которого охватили не только титульный этнос каждой республики, но и часть русскоязычного населения.

Политическая социализация в сочетании с появившимися новыми политическими институтами явно опережала экономические преобразования и формирование правовых установок. Прямым результатом такого процесса стало поражение правящей партии и разрушение политической системы под ударами радикальных движений гражданского общества, которое проходит свой процесс становления, свой «инкубационный» период.

Источники и литература

1. Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М., 1993. Сс.275-280, 283-285, 287-302.
2. Шестопад Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. - М., 2000. С. 75-80.
3. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. 2-е изд. – СПб, 2002. С. 150-153.
4. Гозман Л.Я. Психологические аспекты торможения социальных изменений // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 8-9.
5. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. – М., 2001. – С. 208-216.
6. Шестопад Е.Б. Указ. соч. С. 160, 173.
7. Маслова А.Г., Маслова О.А. От социального конформизма к политическому участию // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. № 2. С. 30-31.
8. Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике // Политика: проблемы теории и практики. Вып. VII. Ч. 1 / ИНИОН АН СССР; Ин-т молодежи / Отв. ред. С.В. Братчиков. - М., 1990. С. 111-113, 115-116.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯЦИИ

Орехов А.М.

г. Королев-10. Россия

Термин «интеллигенция» в русском языке имеет следующее значение: это группа людей, активно занимающаяся духовным, творческим преобразованием окружающей их социальной среды и проповедующая высокие нравственные идеалы и принципы. С этой точки зрения, далеко не всякий интеллеktуал (лицо, занимающееся интеллектуальным трудом) является интеллигентом. И, наоборот, для того, чтобы быть интеллигентом, вовсе не обязательно принадлежать к социальному слою интеллеktуалов. Результатом подобного подхода явилась интерпретация западного «интеллеktуала» как просто «ремесленника умственного труда», сосредоточенного в основном на собственных, а не на общественных целях. Русский «интеллигент», в противовес ему, посвящает себя служению всему человечеству и готов даже ради этой пожертвовать личным благополучием. Но, как правило, окружающее его общество не понимает и не принимает этой жертвы. «Царям земли напомнить о Христе», таков, по выражению Н.А. Некрасова, долг русского интеллигента.

Манипуляция – это процесс, при котором субъект манипуляции всегда стремится к тому, чтобы адресат (объект) манипуляции сам признал внушаемые ему идеи, мотивации, действия единственно правильными для себя, и, таким образом, принял нужное манипулятору «самостоятельное» решение. Таким образом, в сознании адресата манипуляции создается двойная иллюзия: во-первых, что действительность такова, какой ее изображает манипулятор, и, во-вторых, что социальная и психическая реакция на эту действительность зависит от усмотрения самого адресата манипуляции.

Интеллигенция может выступать как в качестве субъекта, так и в качестве объекта манипуляции. Как объект она подвергается манипулятивному воздействию со стороны других социальных групп и классов, – так или иначе усваивая их идеологии и ценности. Но следует заметить, – за счет факторов образования и квалификации, – интеллигенция является социальной группой, которая в максимальной степени способна сопротивляться манипулятивному воздействию на нее, – причем даже тогда, когда иные социальные группы полностью принимают данное манипулятивное воздействие.

С другой стороны, интеллигенция также может быть субъектом манипуляции, – прежде всего, вследствие того, что она вырабатывает идеологию и ценности. Многие профессиональные группы, входящие в нее (например, преподаватели, учителя) вынуждены это делать *в силу своего положения*, но при этом их возможности сильно ограничены рамками учебных планов и должностных инструкций. Однако в интеллиген-